

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Несколькими годами позже].....	7
Симбирск. 1870–1887	19
Казань. 1887–1889	61
Самара. 1889–1893.....	89
Петербург. 1893–1897.....	110
Шушенское. 1897–1900.....	142
Мюнхен. 1900–1902	167
Лондон. 1902–1903	222
Женева. 1903–1905.....	257
1905-й. Дача «Ваза». 1905–1907	297
Капри. 1908. 1910.....	331
Париж. 1908–1912	367
Польша. 1912–1914	441
Швейцария. 1914–1917	474

1917-й. Апрель — октябрь	511
Смольный. Октябрь 1917-го — март 1918-го	586
Москва. Кремль. 1918—1920.....	644
Костино. 1922	710
Горки. 1922—1924	770
Ленин-100.....	821
Сцена после титров.....	827

[НЕСКОЛЬКИМИ ГОДАМИ ПОЗЖЕ]

У прокоммунистического датского художника Бидструпа была карикатура: скамейка в парке, заполненная людьми, все с прямыми спинами и каменными лицами, один курит, другой позевывает, женщина перебирает содержимое сумочки, мужчина посередине читает книгу. На втором стрипе тот, который с книжкой, уже смеется — видимо, в книге оказалось что-то забавное, а его соседи поглядывают на него с раздраженным недоумением. На третьем читатель, забывшись, где он, буквально помирает со смеху — ну и соседи тоже, сами не понимая с чего, тоже начинают улыбаться — уж больно заразительно смеется. Самое интересное, однако ж, происходит дальше: соседи — мужчины и женщины, все скопом, — надрываются от хохота: хлопают себя по ляжкам, вытирают слезы, держатся за животы и только что не падают со скамейки; а вот «нулевой пациент», уже без тени улыбки, смотрит на них, подняв бровь, едва ли не с ужасом.

Нечто похожее ощущает и автор этой биографии Ленина, которую неожиданным образом прочли несколько десятков тысяч человек — и, судя по тому, что издательство намерено продолжить рискованные эксперименты, прогнозируется, что на ту же скамейку собирается присесть кто-то еще — видимо, замешкавшийся по какой-то причине. Глубоко озадаченный этими цифрами и, что существеннее, глядя на свое сочинение с возрастающим скепсисом, автор находит

уместным поделиться кое-какими соображениями в жанре «предисловия к новому изданию».

Одержимый идеей реконструировать подлинный образ Ленина, автор полагал, что его соответствующая уникально многогранной личности героя цель — отследить и запихнуть в свою книжку как можно больше разных «лениных»: Ленина — создателя партии нового типа, Ленина — литературного критика, Ленина-туриста, Ленина-философа, Ленина-шахматиста, Ленина-диктатора и так далее. А уж дальше «факты будут говорить сами за себя», и читатель сам найдет «самого главного», «подлинного», «химически чистого» Ленина, того, кто обладает «ключевым качеством», которое «всё объясняет». Предполагалось, что, самостоятельно подбирая для такого «противоречивого» главного героя книги место на моральной шкале, — автор в этот момент демонстративно насвистывал «Мурку» и разглядывал потолок, — читатель проигнорирует тех «лениных», которые показались ему «несущественными», — и сдвинет Ленина, который глянулся ему больше прочих, в сторону, которая кажется более приемлемой, — к «плюсу» или «минусу».

Такого рода подход, при всей его интуитивной привлекательности, однако ж, идет абсолютно вразрез с научной методикой диалектического анализа, которую сам Ленин популярно объяснил однажды в споре с Н. Бухариным — и которая вошла в историю как лекция о «диалектике стакана»: да, один и тот же объект — да вот пусть хоть стакан: почему бы не попытаться познать его? — можно описывать по-разному: он стеклянный, он цилиндр, из него можно пить, его можно использовать как предмет, которым можно швырнуть в оппонента, — или как помещение для пойманной бабочки, ну и так далее. Проблема в том, что количество свойств и функций стакана на самом деле стремится к бесконечности, и, перечисляя их, мы никуда не продвигаемся — и не сможем обрести истины таким образом. Потому как абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, и на изучаемый предмет следует смотреть, устанавливая его связи с окружающим миром; важно не что такое «стакан вообще», а стакан — для кого? для чего? в каком контексте?

Автор, однако ж, замороженный многофункциональностью доставшегося ему стакана — и нахлебавшись оттуда разного рода энергетических жидкостей, — вопрос о связи материального объекта с окружающим миром проигнорировал — и решительно отмежевался, ради

идолов «истории» и «литературы», от вульгарной «публицистики», не уразумев, что «просто биографий», хотя бы и написанных неканоническим языком, не бывает, что книга о Ленине опубликована не в стерильном вакууме, а в конкретный исторический момент, в политически заряженной среде, в обществе, которое готовится к империалистической войне, — и раз так, любые декларации «аполитичности», любые претензии на «абсолютную объективность», по сути, подразумевают, что автор льет воду на мельницу того самого контрреволюционного государства, которое, доминируя в идеологическом поле, отчаянно желает вынуть из Ленина взрыватель, скрыть его актуальность — поскольку выстраивает свою идентичность на отмене и попирании ленинских идей.

«Множество разных Лениных», представленных в этой книге (которую сам Ленин наверняка охарактеризовал бы как эклектичную — то есть, конечно, он выразился бы посильнее), напоминает магриттовскую «Голконду» — картину, где изображен дождь из разного размера похожих друг на друга мужчин, каждый в плаще и котелке, — которые на фоне городского пейзажа, крыш домов то ли падают, то ли поднимаются, то ли висят в воздухе: дурная бесконечность в чистом виде. Набор вроде как разных мужчин — «лениных» — не имеет ни начала, ни конца, и даже если движение есть, оно мнимо — потому что заведомо не позволяет достичь цели. Недостижимость цели есть, по Гегелю, признак ложного бытия. Истинно то, что достижимо. По сути, коллекционировать «лениных» в надежде, что рано или поздно тебе попадется тот самый, самый-самый Ленин, — это как ожидание революции: всё время ждешь, когда реализуется комбинация идеальных условий, когда все условия будут соблюдены... результатом, как известно, становится не революция, а очевидность ее бесконечной недостижимости.

Задача хорошего биографа Ленина — некоторые вещи, увы, приходят в голову только задним числом — преодолеть эту дурную бесконечность, и для этого, конечно, следовало не гоняться за неким «абсолютным Лениным», а выявить Ленина, актуального для здесь и сейчас, Ленина, который может объяснить, как быть с тем, что происходит вот тут, в конкретном, сегодняшнем обществе. Не «что такое Ленин?», а — «Ленин — здесь — для кого?», «Ленин — сейчас — для чего?», «Ленин — с какой целью?», «Ленин — в каких именно проявлениях?».

Еще хуже, чем выбор неверной, ведущей к дурной бесконечности стратегии, было то, что автор опрометчиво демонстрировал намерение «транслировать взгляд на Ленина именно из сегодняшнего дня», а не «вообще», «с точки зрения вечности» — и наивно полагал, что такого рода трюк можно осуществить посредством ревизии мемориальных мест, связанных с Лениным. Ложная ревизия есть вредная, компрометирующая самого главного героя затея; фальшивая, декоративная псевдоактуальность только искажает подлинное положение дел — и, по сути, является ширмой для пропасти, разверзшейся между идеями и проектами Ленина — и тем, во что они трансформировались в стране, которой он дал опыт успешной революции.

Именно эту ошибку — среди прочих — автору хотелось бы исправить этим предисловием — и предложить читателю, раз уж тот почувствовал дефицит в своем организме какого-то вещества, которое можно экстрагировать только из биографии эталонного революционера, фокусироваться в первую очередь на идеях, которые выглядят актуальными: к примеру, на ленинских взглядах, касающихся государства как подлежащей уничтожению машины насилия, на ленинской критике национализма угнетающей нации и на его пророчестве о том, что бюрократия, если оставить ей возможность выбора, будет стремиться опереться на великодержавный шовинизм. В этом смысле, например, «биографическая» интрига, связанная с «политическим завещанием» Ленина — а был ли Ленин подлинным автором статьи 1922 года об автономизации? — при всей своей скандальности не так уж существенна; важно, что изложенные в том тексте идеи ассоциируются именно с Лениным и что выглядят они — сейчас — очень «ленинскими».

Автору хотелось бы, чтобы эту книгу читали не только как материал для байопика, биографию удивительного существа, феерично распорядившегося своей жизнью; «Ленин» — это пространство, инструмент и среда для политического диссидентства, неисчерпаемый источник образов, прецедентов, альтернатив, утопических идей и прагматичных практик. Тому, кто воспринимает политическую действительность как пространство, требующее безотлагательного преобразования, ленинский опыт, идеи и деятельность могут дать код к интерпретации сегодняшнего окружающего мира — и доступ к возможностям его демонтажа.

Словосочетание «актуальность Ленина» подразумевает, однако ж, и существование другой, гораздо менее привлекательной стороны,

а именно вопроса о подлинной роли Ленина в том, как — в столетней перспективе — реализовался и претерпел удивительные метаморфозы его проект революции: созданная с его благословения ЧК, несмотря на объявленное окончание Гражданской войны, опираясь на тезис об обострении классовой борьбы, продолжила вести себя как оккупационный режим и превратилась в машину превентивных массовых убийств и принудительных удержаний в тюрьмах, а через несколько десятков лет перехватила власть у исповедовавшей пролетарский интернационализм партии и оказалась флагом контрреволюции, чтобы стать идеологическим, стремящимся к установлению монополии на историю прошлого центром восстановленной — с словесным обществом и культом императора, замаскированным под культ государства, — Российской империи, которая строит свою идентичность — и проводит соответствующую политику насильственного поглощения «окраин» — на идее духовного превосходства титульной нации над всеми прочими, особенно малыми и находящимися в пределах досягаемости артиллерии.

Вопрос этот меж тем проигнорирован в книге — и напрасно, потому как, размышляя над тем, чем в итоге обернулась Октябрьская революция, у нас достаточно оснований предположить, что затея построения социализма в отдельно взятой стране — с расстрелами заложников из буржуазии, с концлагерями для классовых врагов, расстрелом Кронштадта, катастрофическим «щупаньем штыком» Польши, голодом в Поволжье и Казахстане, принудительной коллективизацией, 1937 годом, Новочеркасском и так далее, и так далее, и так далее — есть не фатальная, ужаснувшая (бы) его самого, ошибка главного конструктора, не следствие форс-мажорных обстоятельств, не «извращение ленинской идеи», не результат совершенного вождем рокового выдвижения Сталина на позицию, позволившую тому перехватить власть, — а методичная реализация ленинского экспериментального проекта, осознанная и намеренная; что Ленин знал об этом «побочном ущербе», осознавал его риски и последствия — и готов был платить эту цену.

Любопытно, что это предположение (приемлемое в предисловии, но неуместное в самой книге — потому что подтвердить или опровергнуть его документально можно было бы только в том случае, если бы Ленин оставил мемуары, где проговорил бы свои сокровенные мысли), которое много кому приходит в голову, как правило,

подразумевает также истолкование известных событий жизни Ленина в особом ключе.

Чтобы у читателя, интересующегося историей ленинских идей — обстоятельствами, в которых они рождались и прорастали, — была возможность более осознанного выбора между принятием и отторжением, автор, испытывая отвращение к попыткам любой статусной группы жрецов ленинского культа монополизировать ленинскую биографию и игнорируя опасность шокировать воспитанных на романтической ленинине читателей, полагает полезным, не откладывая в долгий ящик, воспроизвести хотя бы базовые представления тех биографов, которые расшифровали жизнь Ленина с помощью кода, альтернативного тому, которым пользовался автор этой книги; те мнения, которые автор не разделяет или разделяет лишь отчасти — но которые имеют фактическую подоплеку, а не за здорово живешь сфабрикованы мотивированной политической ненавистью пропагандой.

Так, среди некоторых исследователей ленинской биографии* распространено мнение, что, например, относительная успешность Ленина в качестве политика до 1917 года связана с его завязавшимся еще в середине 1890-х сотрудничеством с иностранными (японскими, немецкими и австро-венгерскими) спецслужбами, которым деятельность по разрушению государственных институтов царской России и большевистская критика империалистических войн (а конкретнее, поражение) представлялись крайне полезными, — особенно в связи со сначала надвигающейся, а затем уже идущей войной, — и которые всерьез, методично ставили на вождя большевиков, чьи настойчивые требования самоопределения/автономизации угнетенных (Россией) наций были в первую очередь ответной услугой его партнерам.

Что бесспорно имевшая место инфильтрация, на протяжении десятилетий, ленинского окружения агентами охраны могла не только смущать Ленина, но навести его на мысль цинично использовать это

* Особенно яркий, эталонный в плане методичности и последовательности — и рекомендуемый в качестве антидота от инерционного следования «советской» исторической традиции — образчик такого рода подхода — книга 2017 года немецкого историка Евы Ингерборг Фляйшхауэр, см.: Фляйшхауэр Е. И. Русская революция: Ленин и Людендорф (1905–1917). М.: РОССПЭН, 2020. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

обстоятельство — как опытные яхтсмены используют разные виды парусов, чтобы продвигаться вперед даже при встречном ветре: скармливая полицию дозированной и неполной информацией, а также чересчур амбициозных коллег-конкурентов, он мог извлекать выгоду из фирменной стратегии раскалывать свою партию — и наслаждаться как статусом «отмороженного», готового к любым, самым радикальным сменам тактики революционера, так и определенным иммунитетом, поскольку полиция заинтересована в деятельности того, кого она контролирует и кто препятствует объединению ее противников.

Что Ленин, да, был фанатиком марксистской идеи — но при этом использовал идеологическое оснащение как инструмент для упрочения личной власти и устранения соперников в борьбе за власть: так было и в полемике о народничестве, и в «Материализме и эмпириокритицизме», и на Пражской конференции, и в дискуссии о профсоюзах; всегда.

Что не надо быть патентованным ленинофобом, вроде Милюкова или Солоухина, чтобы связать именно с деятельностью Ленина декриминализацию и романтизацию (революционного) насилия; что выражение «революционные практики Ленина» можно перевести и как «опыт организации узаконенных убийств» и что, не исключено, ужасная правда о Ленине состоит в том, что он готов был чистить страну от нелояльных новой власти «буржуев» всех мастей до полного истребления.

Что даже такие вроде бы абсолютно бесспорно ленинские темы, как самоопределение и автономизация, — если рассматривать, как они разыгрывались в конкретных сценариях, — оставляют возможность квалифицировать их как род демагогии, позволявшей Ленину в дореволюционные годы использовать энергию национальных политических движений для антиимперской деятельности, а в послереволюционные — удерживать эти ресурсы при Москве, компенсируя дефицит силовых возможностей за счет пропаганды. Что пресловутая Украина — за независимость которой Ленин публично переживал с такой интенсивностью — в тот момент, когда он сам, в качестве субъекта власти, оказался в состоянии дотянуться до нее, оказалась именно что завоеванной, отвоеванной, пристегнутой; разумеется, у этой реконкисты может быть сколько угодно объяснений — политических, диалектических, экономических, идеологических, гуманитарных, но факт остается фактом: меньшая нация, вследствие

решений, принятых правительством Ленина, вновь надолго оказалась зависимой от большей. Что декларации Ленина о самоопределении и автономизации — да, «ядро ленинизма», но по сути деятельность Ленина в этом плане ничем не отличалась от сталинской, постсталинской и российской постсоветской: никого не выпускать под разными предлогами идеологического характера, выпустив — стремиться вернуть и при малейшей возможности — прихватывать все что плохо лежит.

Что иконический, запечатленный на картине с ходоками образ Ленина как защитника крестьян имеет больше отношения к пропаганде, чем к реальности: при всем разрекламированном «открытии» нового союзника пролетариата, при «знании крестьянской России», при всем своем «заступничестве за народ», при «земля — крестьянам!» в топ-3 лозунгов Октября — Ленин, по сути, на протяжении всей своей политической карьеры искал технологии, чтобы применить доставшийся ему вследствие сложившейся в России начала XX века демографической ситуации огромный ресурс — как материал для будущей индустриализации, как механизм, снабжающий политический организм бесплатными калориями.

Констатируя, отчасти с горечью, что вышеизложенная комбинация фактов и недостаточно подкреплённых доказательствами мнений активно циркулирует в коллективном представлении о Ленине, и осознавая, что выбор неверной методологии фатален, автор — слезами горю не поможешь — все же позволяет себе надеяться, что сознательный читатель окажется в состоянии скорректировать и хотя бы отчасти преодолеть неизбежный «эклетицизм» этого текста, осознаёт, ближе к финалу, что простота и ясность тезисов из предисловия обманчива, — и обнаружит, на дне стакана, другой образ Ленина: неподкупного русского интеллигента, сформированного литературой демократических авторов — и движимого не столько инстинктом «абсолютная личная власть любой ценой», сколько прежде всего искренним отвращением к монструозному государству — и желанием использовать свет открывшегося ему научного знания для того, чтобы быстро, не дожидаясь эволюционного результата, используя энергию накопившегося социального протеста, преодолеть исторически сложившуюся пропасть между привилегированными группами и «народом» и создать машину управления, альтернативную

основанной на социальной несправедливости и сословных привилегиях.

Никоим образом не желая выдавать Ленина, человека с далеко не самым лучшим на свете характером и пугающе широкими представлениями о границах дозволенного в политике, за кого-то вроде Розы Люксембург или Альберта Швейцера — воплощение честности, нравственной чистоты и благородства, автор полагает, что жесткость, безжалостность, изворотливость и «трикстерство» Ленина — не абстрактные, а рассмотренные в связи с окружающим миром — суть профессиональные качества инженера, который стремится как можно скорее увидеть результаты работы спроектированного им механизма*.

* Впрочем, и описание Ленина как всего лишь «машины модерна», своего рода политического терминатора, лишённого национальной идентичности, исторической памяти и способности к состраданию и эмпатии — то есть, в сочетании, «души», страдает заведомой неполнотой: в этом смысле заметка героя этой книги о «роли пыли (в солнечном луче) в древней философии» — «О душе пифагорейцы думали "die Seele sei: die Sonnenstäubchen", "душа есть солнечные пылинки"» — в контекстах Гегеля есть не только поиск «намёка на строение материи», не только любопытство к истории осознания философией законов «отношения субъективного к объективному», но и косвенное доказательство того, что «душа» — некая нематериальная сущность человека, которая корректирует его социальное поведение, — также была для сугубого прагматика, «политического животного» и (воинствующего) материалиста Ленина релевантной. Не в обычном, «христианском» смысле. Солнечные пылинки (=душа) суть одновременно свет и — материя: пыль, грязь, не-свет; волны — и частицы; странное мерцание истины и лжи, света и тьмы, духа и материи — и, пожалуй, метафора диалектики: единство и борьба противоположностей; тот момент, когда материя переходит в свою противоположность.

Эсхилиевский Прометей называет свет одним из величайших даров, посредством которого происходит превращение дикаря, чья естественная среда — пыль и грязь, в человека: обитателя светлого жилища.

Свет в «ленинском марксизме» — социалистическая истина, очищающая наемного раба от капиталистической грязи и превращающая его в господина; это свет «из электричества», управляемая легко транспортируемая энергия; это суть модернистского проекта — с его культом просвещения и научных технологий, преобразующих мир; но еще и свет ослепляющий, свет-террор, акт насильственной экспроприации экспроприаторов, революционное движение, трансформирующее сегодняшнее солнце в тьму — ради света завтрашнего.

Эта книга сочинялась во времена, которые представлялись — по скудоумию — благополучными и когда привилегированным социальным группам казалось, будто и все остальные тоже не имеют оснований для недовольства: нет хлеба — ну пусть едят пирожные. Собственно, эта книга и была попыткой соорудить такой шоколадный эклер: именно так — задним числом — выглядят декларации кондитера про «рассказать историю Ленина “объективно”», от лица «неангажированного» рассказчика, деавтоматизировать «чересчур искаженное идеологиями» восприятие главного героя, найти «такой язык, которым раньше для его описания не пользовались». Ага: побольше крема.

С тех пор стало ясно — точнее, жизнь, как говорится, показала: «историческая объективность» за счет деполитизации — плохой обмен.

Простой хлеб был бы уместнее.

В «благополучные» времена — когда классовый антагонизм сглажен, смазан, амортизирован, ленинские политические практики, чреватые большими рисками и гуманитарными издержками, — скорее объект буржуазного скепсиса и либеральной критики; длинная история большевистского террора и превращение постленинского коммунизма в нелепую религию дают для такого отношения много материала.

Однако во времена острых кризисов, когда государства либо становятся несостоятельными, либо, обернувшись правой диктатурой, в открытую демонстрируют свой репрессивный характер и осуществляют террор против не способных оказать сопротивление инакомыслящих социальных групп, — вот тут «Ленин» оказывается лучшим союзником жертв, насущной фигурой, дающей волю к сопротивлению и технику; а ленинская революционная Республика — таким же вдохновляющим прецедентом сопротивления машине насилия и несправедливости, как Парижская коммуна. И даже части буржуазии нет-нет да и доводится — испытав на своей шкуре упругость полицейской дубинки — признать, что просто сидеть на моральном заборе, «над схваткой», свешивая ноги то в одну, то в другую сторону, — мало, что ленинское искусство восстания — не блажь. Что сопротивление империи, требование политического суверенитета для угнетаемых малых наций и гендерное равенство — не фанатерия, а жизненная необходимость: потому что, после того как насилию подвергают одно

слабое меньшинство, приходит очередь другого, уже покрупнее. Что игнорирование ленинских технологий сопротивления и отказ от идеи вооруженного восстания заканчивается гибелью диссидентских движений, какими бы прекрасными и романтическими они ни были; особенно самых прекрасных. Что создание гибкой, способной совмещать легальную и подпольную деятельность оргструктуры, методичное избавление от оппортунистов и попутчиков в собственной среде, обязательный выбор в пользу прагматики, а не красивого жеста, — весь этот «ленинский пакет» технологий работает уже второе столетие подряд — и, похоже, остается непревзойденным способом перехватить власть в момент кризиса.

Насилие с самого начала было важнейшим компонентом и ленинизма — и многочисленные политические ошибки Ленина вызывают гнев и отвращение у людей, которые не понаслышке знают, что такое большевистский террор. Но, несмотря на сходство с «заповедями тертого пятака», замечание о том, что не следует судить о христианстве по инквизиции, — точное. Ленинизм в своей ранней стадии был прежде всего ответом на угнетение, насилие и принуждение слабых сильными; да и дальнейшая его история не отменяет сути и мощи первоначального импульса Ленина и не сводится к перерождению в сталинщину; чудовищные диктатуры XX–XXI веков в странах мировой периферии и полупериферии напоминают нам о том, как выглядит альтернатива ленинизму: правые националистические режимы, самым ужасным образом пожирающие всё, что не может защитить себя.

Ленин был и остается тотемом угнетаемых.

СИМБИРСК

1870–1887

Надежда Константиновна Ульянова, сама умевшая изобразить кого угодно, божилась, что муж ее «никак и никогда ничего не рисовал»; тем более таинственным и многообещающим выглядит плотно зата-туированный пиктограммами и снабженный инскриптом берестяной прямоугольник.

14 легко читающихся кириллических букв настраивают на легкую победу; гипотетический Шерлок Холмс, впрочем, заметил бы, что нейтральнее было бы не «ПИСЬМО ТОТЕМАМИ», как тут, а «ТОТЕМНОЕ ПИСЬМО». Пожалуй, это нечастый в русской речи гендиадис: два существительных вместо существительного с прилагательным; фигура, характерная для латыни.

Центральная серия рисунков напоминает древнеегипетские росписи на стенах гробниц, другая, с геометрическими фигурами охотников, — наскальную живопись, третья — лубочные картинки из азбуки.

Цветные иконки — Самовар, Рак, Аист, Змейка, Лягушка, Свинья — прорисованы с впечатляющей аккуратностью, но без лишних анатомических подробностей; возможно, иллюстрации скопированы с некоего оригинала.

Автором этого кодекса был 12-летний гимназист, криптограф и любитель мертвых языков; уж конечно, он знал про фигуру «*hen dia dyoin*» («одно посредством двух»): в мае 1887-го этот самый гендиадис даже попадетсЯ ему в билете на выпускном экзамене.

Документ, хранившийся в архиве документов Ленина в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС под номером 1, не включали ни в собрания сочинений, ни в «Ленинские сборники» и опубликовали лишь в 1958 году; возможно, кому-то казались неподобающими ассоциации письма со словом «вождь» («вождь краснокожих», «вождь красных»); скорее всего, дело в том, что «Письмо тотемами» так и не расшифровано: версия, будто это стилизованный отчет о проведенном лете, неубедительна.

Адресат письма — Борис Фармаковский, ровесник и приятель Владимира Ильича; он станет археологом и будет раскапывать греческую колонию Ольвию. В начале 1880-х он с родителями переехал из Симбирска в Оренбург, и в январе 1882-го — самый подходящий момент, чтоб отчитаться о лете, — Илья Николаевич Ульянов привез ему послание от сына-третьеклассника. Ответил ли Фармаковский — и если да, то как, — неизвестно.

Письмо квалифицируется как «индейское»: его элементы имитируют графическую манеру и смысловое содержание известного «прошения индейских племен Конгрессу Соединенных Штатов». Вместо названий племен там нарисованы их тотемы — животные; в тело каждого вживлено сердечко, от которого — так же как в послании ВИ — вьется веревочка к президенту: разреши нам переселение.

О чем Аист или Самовар могут просить Бородатого Купальщика?

И что за индейцы с самоварами? Может ли быть, например, Самовар — рифмованным, как в кокни, искажением названия племени «делавары»? Известно, что ВИ и его сестра Ольга, начитавшись Купера и Майн Рида, тайно от родителей соорудили вигвам из хвороста с полом, устланным травой; пока Ольга у игрушечного костра приглядывала за хозяйством, ВИ с луком уходил на охоту, откуда приносил «убитую» корягу и рассказывал, как белые люди мешали ему и сами едва не поймали его арканом.

Число «шесть» присутствует сразу в нескольких сериях, и можно предположить, что речь идет о младшем поколении Ульяновых: Анна, Александр, Владимир, Ольга, Дмитрий, Мария.

Тогда кто из них — ВИ? Какой объект — тотем Ленина? Какое свойство в Ленине — главное? Кусачий, как рак? Пузатый? Склизкий? Ядовитый? Всеядный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru